

Крылов В. Н.

ЛЕКЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК ФОРМА ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/41.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 103-105. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ков (*enormity, notorious, valet*); народная этимологизация слов (*cullet, country-dance, standart*) [Гельберг 2006: 79-86].

XV и XVI вв. - эпоха Возрождения в Европе, когда жизнь европейцев стала необратимо меняться. Все пришло в движение: техника, наука, возникла жажда путешествий и открытий, начались поиски новых выразительных средств в искусстве. В этот период английский язык продолжал пополняться французскими словами, большая часть которых была заимствована двором и аристократией. Представители этого сословия придавали огромное значение одежде, предметам роскоши, украшениям, и нужно отметить, что именно Франция была законодательницей моды в Англии того времени. Помимо одежды французы познакомили Англию и со своей национальной кухней, способами отдыха и досуга, а также аспектами культурной жизни. Неудивительно, что заимствования того периода отражают жизнь аристократии (*etiquette, caprice, ballet, ensemble*). Количество французских заимствований в эпоху Возрождения не так велико, как в предыдущие столетия, и многие из них сохранили до известной степени графический и фонетический характер оригиналов (например, сохранилось ударение на последнем слоге в словах *machine, grimace, intrigue, fatigue* и др.).

Растущие контакты Англии с другими странами также принесли в английский язык ряд новых слов. Однако наиболее значительным был приток заимствований из классических языков - латинского и греческого. Иногда латинские слова входили в английский язык, когда в нем уже существовали однокоренные французские заимствования, восходящие к раннесредневековой «народной латыни» на территории Галлии. Они в той или иной степени различались в своих значениях и образовывали в английском языке латино-французские этимологические дублеты, ср., например: *poor* < ст.-фр. *povre* «бедный» и *pauper* < лат. *pauperum* «нищий», а также *balm* - *balsam*, *mayor* - *major*, *sure* - *secure*, *vowel* - *vocal* [Арсеньева 2003: 212-213].

XVII век для Франции был золотой порой, когда при правлении Людовика XIV абсолютизм достиг высших границ. Франция стала сплоченной, экономически крепкой, процветающей в культурном отношении страной и стала выходить на уровень мировой державы. Но и в Англии прогресс шел во всех отраслях - в промышленности, сельском хозяйстве, торговле, судоходстве, а также Англия интенсивно проводила колонизацию обнаруженных в эпоху Великих географических открытий земель. Главным соперником на пути приобретения Англией новых владений была Франция.

В 1689 г. Англия объявила Франции войну, которая закончилась в 1697 г. Рисвикским миром. Англия добилась заключения выгодного для себя договора с Францией, по которому английские текстильные товары получили льготный доступ во Францию, что нанесло чувствительный удар французской экономике. В Англии того времени на престол вступила новая династия Стюартов в лице Карла II, что в некоторой степени восстановило французское влияние в различных областях общественной жизни. Разговорный язык эпохи Реставрации полон французских слов и выражений. Большая часть новых слов была связана с жизнью и бытом феодального дворянства и двора (*ballet, caress, coquette*), а также широко представлены слова, обозначающие предметы одежды и еду (*blouse, bouillon, soup, restaurant*). Наплыв французских слов вызвал волну пуризма, сторонники которого боролись против наводнения языка искусственными оборотами, против многословия и требовали возвращения к ясному и простому языку ремесленников и крестьян.

К середине XVII в. в английском языке появляется тенденция к построению кратких, простых предложений, все меньше используются французские выражения и метафоры, несмотря на то, что французский язык оставался языком международной дипломатии.

В эпоху Просвещения вновь увеличился приток французской лексики. В XVIII в. прибыльность работоторговли приводила к ожесточенной борьбе между работоторговцами Англии и Франции, которая развернулась в Африке, главным образом на территории Гвинеи.

Таким образом, на протяжении многих веков французский язык оставался для английского языка источником обогащения словарного состава, он использовался как язык правящего класса, аристократии и королевского двора. Слова, вошедшие в английский язык в среднеанглийский период, подчинились законам языка - реципиента и полностью ассимилировались. Слова же, проникшие в английский язык в новоанглийский период, большей частью сохранили свое написание и произношение.

Список использованной литературы

1. Арсеньева М. Г., Балашова С. П., Берков В. П., Соловьева Л. Н. Введение в германскую филологию: Учебник для филологических факультетов. - М.: ГИС, 2003. - 320 с.
2. Гельберг С. Я. Этноисторические контакты английского языка: Учеб. пособие. - Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. - 140 с.

ЛЕКЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК ФОРМА ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Крылов В. Н.

Казанский государственный университет

Важный «генетический» показатель многих критических статей рубежа XIX -XX вв. - то, что они вырастали из докладов, лекций, с которыми символисты выступали перед различной аудиторией. Наряду с привычным в XIX веке чтением и обсуждением литературных произведений в кружках, в конце XIX - начале XX веков, критика расширяет сферу публичности, становится речью, обращенной к слушателям. Серебря-

ный век отмечен новыми процессами в социологии литературной жизни, среди которых, прежде всего, выделяется увеличение читательской аудитории и рост объемов издательской продукции. «Самый интерес к лекциям по литературе свидетельствует о созревших потребностях всех классов населения в самообразовании. Перед русским лектором открылась *громкая всероссийская аудитория*, на встречу которой он и должен идти. Высшие художественные и научные интересы вышли из тесного круга академических твердынь и становятся доступными массам» [Арабажин 1909: 3].

Жанр лекции имеет такие признаки, как цель общения, официальность обстановки, устный характер общения с большой аудиторией (речь торжественная юбилейная, в дружеском кругу), регламентированность во времени. Могут быть различные типы отношений критика-лектора с аудиторией (с одной стороны, речь в кругу подготовленных слушателей в Неофилологическом обществе, с другой - выступление перед широкой аудиторией в провинции).

Символисты одними из первых интенсивно внедряют свою критику через формы устного контакта. Наряду с лекциями, широко практиковалось обсуждение рефератов, докладов в кружках, различных литературных объединениях. Важно отметить, что критика при этом рождалась непосредственно, в живой импровизации, хотя она и несла на себе печать кружковой замкнутости, обращенности к «посвященным».

Многие значительные критические тексты первоначально были лекциями. Таковы, например, две лекции Д. С. Мережковского на тему «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», прочитанные им в октябре и декабре 1892 года в аудитории Соляного городка Петербурга. «Новые поэты» пытались расширить круг потенциальной аудитории потребителей искусства. При этом газеты регулярно передавали информацию о прочитанных лекциях. В результате даже не присутствовавшие на лекциях и потом не прочитавшие опубликованные тексты могли составить хотя бы общее представление о масштабах просветительской деятельности символистов. Однако вопрос о *жанровых* особенностях лекций символистов затрудняется из-за того, что мы далеко не всегда можем сравнить тексты, предназначенные для выступлений, и тексты, подготовленные к печати. Планы лекций, краткое содержание докладов, отзывы прессы и воспоминания о выступлениях дают весьма общее представление о материале лекций.

Как известно, доклады символистов всегда были содержательно подготовлены и обычно написаны. Предварительная подготовленность (а также и то, что ряд выступлений вырос из ранее написанных статей) объясняет тот факт, что доклад (лекция) может быть рассмотрен как письменный жанр. Очевидно также, что даже при значительной переработке лекции в статью и в письменном тексте есть остаток добавочной коммуникативной задачи - *установки на устность*.

Рассмотрим такую жанровую разновидность, как теоретические *доклады (речи)*, написанные в период бурных полемик о «кризисе» символизма. В качестве материала возьмем доклады Ф. Сологуба, Г. Чулкова и В. Иванова на публично «Диспуте о современной литературе», состоявшемся 20 января 1914 года в большом белом зале Калашниковской биржи в Петербурге. Стенографическая запись выступлений была опубликована в журнале «Заветы» (1914 - кн. 2, отд. 2). Поэтому они доносят до нас «живую» речь критиков. Обратим внимание не на содержательные отличия этих выступлений, а на их риторические особенности, различные стратегии выстраивания теоретических выступлений.

С. И. Гиндин так определяет противоречие в природе поэтического и ораторского произведений: «Он (поэт. - К. В.) может либо принять условия игры, диктуемые ораторикой, и действовать на ее территории. Тогда его «поэтическое происхождение» будет сказываться в особенностях языка, стиля, композиции, но по природе своей его речи окажутся вполне аналогичны речам ораторов-непоэтов. Но поэт может и привнести в ораторское творчество принципиально «акоммуникативную» установку лирической поэзии на внутреннее постижение и самовыражение. И тогда возникает не ораторика поэта, а «поэтическая» (или, точнее, лирическая) ораторика и тип оратора-лирика» [Поэты 1991: 8]. К последнему типу можно отнести доклад Блока «О современном состоянии русского символизма».

Однако большинство теоретических докладов относимы к первому типу (но есть разные вариации, зависящие от творческих индивидуальностей).

Ф. Сологуб выстраивает свою речь (вступительное слово), отказываясь от эмоциональных аргументов. Это речь-рассуждение, выстроенная по дедуктивному принципу: от изложения взглядов на ценность искусства и его роли в жизни человека - к аргументации значимости символистского миропостижения и к рассмотрению стадий символизма вплоть до современного состояния. В речь вводится спор с воображаемыми оппонентами (правда, их точка зрения вынесена в прошлое): «*Те*, кому новое искусство не нравится, *говорили*, что оно постоянно отвращается от жизни и отвращает людей от жизни. Конечно, это ошибка! Ничего подобного при пристальном ознакомлении с новым искусством мы не найдем» [Сологуб 2002: 403].¹ Только в конце речи усиливается эмоциональность, и доклад завершается обращением, призывом к слушателям: «Не любите жизнь таковой, как она есть, потому что в общем своем течении современная жизнь вовсе не стоит этого. Жизнь требует преобразования в творческой воле...» (с. 407). Вместе с тем Сологуб не упрощает речь, не отказывается от сложных предложений, не использует выигрышной вопросно-ответной формы. Он сдержан, прячет свое «я» (речь произнесена от «мы»). Он был наиболее ярким «неоромантиком» ярких

¹ В дальнейшем тексты речей цитируются по приложению к изданию Ф. Сологуба, сверенному нами с публикацией в «Заветах».

полярностей в искусстве и наглухо застегнутым человеком, загадкой, «северным Сфинксом в жизни» [Пустьгина 1983 : 114].

Г. Чулков строит свое выступление «Символизм как мироотношение» на полемике с тезисами речи Сологуба. На наш взгляд, Чулков более убедительно, используя различные ораторские приемы, приближает к себе слушателей, уходит от пространных рассуждений, выделяет самое существенное.

Уже в зачине Чулков использует личную форму «я» и предлагает своего рода антикомплимент публике, одновременно интригуя ее: «...Может быть, правы те, которые думают, что нужно говорить иначе в маленьком кружке и в большом зале, перед громадной толпой случайных посетителей. Вероятно, так и нужно по-разному говорить, но я не умею и буду бестактен, может быть, извиняюсь, но я буду говорить так, как если бы здесь были только те немногие, которые близко стоят к литературе и к современному творчеству» (с. 560).

Однако в основной части выступления Чулков пытается изменить мнение слушателей через риторический вопрос с соответствующим ответствованием («В чем же пафос, в чем же значение символизма?..»), через риторические восклицания; оригинально используются речевая формула противопоставления с анафорическим «курсивом» («Символизм не потому хорош, что отдельные поэты-символисты пели гражданственность - могли петь, могли и не петь. Не в этом дело. Не потому хорош символизм, что он иногда отвечает демократическим интересам текущего времени, и потому хорош символизм, что он заключает в себе более глубокий бунт...»), прием активизации внимания слушателя через включение событий пережитого (Чулков рассказывает о своем недавнем выступлении и о «сердитой» реплике какого-то человека из публики). Выразительность речи Чулкова обеспечивается и приемом градации: чем ближе к финалу, тем более увеличивается восклицание, в суждениях используются тропы, а концовка завершается афористично («Вот почему я защищаю символизм, который полагает, что искусство - огонь, с которым шутить нельзя») (с. 562).

А доклад В. Иванова «Искусство как символизм» - это классический образец ораторской речи. В отличие от Г. Чулкова, В. Иванов доброжелателен к публике с самого начала: «Милостивые государыни и милостивые государи! Недолго я буду утруждать ваше внимание...» (с. 563). Это тип выступления критика-аналитика (ученого, мыслителя), стремящегося адаптировать свои обширные познания к аудитории, изложить сложные и пространные явления как можно более ясным языком.

Это находит отражение в построении выступления, отборе речевого материала. Если в статьях В. Иванова преобладает утонченный академизм («его статьи - вещания, замедленные по своему словесному темпу, грузно-тяжеловесные, пышные, с явным элементом учительства, полные таинственно-лирических темнот, хотя и стройные по композиции, со сложными, разветвленными, витиеватыми, инверсированными фразами» [Максимов 1975: 212]), то здесь словно уходит и тяжелый синтаксис, и соединение «символистских образований» (Д. Е. Максимов) с научно-философской терминологией. Это своего рода обучающая лекция, пронизанная активным диалогическим началом. Обращенность к аудитории реализуется через образную связь, в том числе включением элементов возражений, сомнений («В самом деле, господа, если вы послушаете наши рассуждения или почитаете наши теоретические писания, то зачастую вы встретитесь с такими утверждениями: Данте и Эсхил - символисты. Что это значит? Это значит, что мы упраздняем самих себя» (с. 563). Адресованность речи проявляется и с помощью таких приемов, как повторы, переформулировки мыслей («Не это, собственно говоря, интересно, а интересно, почему возможен феномен Мережковского. Вот почему возможен...») (с. 565). Используется пример из другой области (из истории церкви), в речь умело вплетается полемика с двумя «эстетическими ересями» (выражение В. Иванова) - «ересью возрождения утилитаризма» и «ересью поверхностного эстетизма» (с. 565). Речь завершается логическим выводом, выражающим основную мысль оратора. Несмотря на краткость выступления В. Иванова, он смог коснуться в нем многих проблем символистского искусства (истоки символизма, символизм как принцип искусства, и как школа, проблема внутренних противоречий в нем, роль критики в переосмыслении Тютчева и Достоевского).

Таким образом, можно заключить, что теоретическая речь (как менее всего выигрышный в смысле воздействия на аудиторию жанр) развертывается как процесс размышления, выдвижения доводов «за» и «против» собственного понимания символизма. В рассмотренном типе, в отличие от лирической ораторики, в разной степени проявляется установка на использование ораторских приемов и может наблюдаться отход от стиля письменной критики.

Список использованной литературы

1. **Арабажин К. И.** Публичные лекции о русских писателях (народный университет) / К. И. Арабажин. - СПб.: Ясная Поляна, 1909. - Кн. 1. - 160 с.
2. **Максимов Д. Е.** Поэзия и проза Ал. Блока / Д. Е. Максимов. - Л.: Сов. писатель, 1975. - 526 с.
3. **Поэты на кафедре. В. Брюсов, А. Блок:** Сборник / Сост. С. И. Гиндин. - М.: Знание, 1991. - 64 с.
4. **Пустьгина Н. Г.** Философско-эстетические взгляды Ф. Сологуба 1906-1909 гг. и концепция театра «единой воли» (ст. 1-я) / Н. Г. Пустьгина // Типология литературных взаимодействий: Ученые записки Тартуского ун-та. - Тарту, 1983. - Вып. 620. - С. 109-121.
5. **Сологуб Ф.** Собрание сочинений: В 6 т. - М.: НПК «Интелвак», 2002. - Т. 6. Заклинательница змей: Статьи. Эссе. - 608 с.